

Глава 7

Гу Шиюнь не спросил, чем Ши Цзянь обидел инструктора, и больше ничего не сказал. Поскольку Ши Цзянь не ел конфет других вкусов, он просто положил остальные в ящик стола.

Он указал на белый кожаный диван у стены. «Хочешь немного отдохнуть?»

Ши Цзянь уже вздремнул и не хотел спать, но, привыкший к домашнему комфорту, он, конечно, предпочел диван твердому стулу.

Когда он сел, его спина случайно коснулась подушки, потянув за потертую область. Он резко нахмурился.

Гу Шиюнь остановился, посмотрев на него краем глаза. Он снова открыл правый ящик, достал бутылку лечебного масла и подошел к нему.

«Не против, если я посмотрю?» Гу Шиюнь дождался согласия Ши Цзяня, прежде чем сесть рядом с ним, потрясая коричневую бутылочку в руке. «Это лечебное масло, которое я принес из дома. Оно действует лучше, чем спрей из школы».

Ши Цзянь замер. «Откуда ты знаешь...?»

Гу Шиюнь объяснил: «Я заметил, что ты двигаешься осторожно, и твоя реакция, когда ты наткнулся на него, была немного сильной».

До его вторичной дифференциации проявления заботы со стороны незнакомцев, таких как Гу Шиюнь, были обычным делом — Ши Цзянь привык к этому. Но теперь такая забота была редкостью. Более того, этот седовласый Альфа казался холодным, не из тех, кто вмешивается в чужие дела. Его внезапная внимательность заставила Ши Цзяня заподозрить скрытый мотив.

«Я действительно ударился о что-то во время спора с инструктором сегодня днем. Возможно, кожа немного поцарапалась, но это несерьезно». Тон Ши Цзяня резко изменился, и он прямо спросил: «Но почему вы так обо мне беспокоитесь? Мы были знакомы до этого?»

Альфы, принятые в Федеральную первую военную академию, были либо богатыми, либо знатными, либо исключительно одаренными простолюдинами. Однако Ши Цзянь не помнил Гу Шиюня. Он всегда с осторожностью относился к Альфам, проявлявшим необоснованную доброту, — тем более теперь, когда он сам стал Альфой.

Гу Шиюнь, однако, сказал: «Я видел тебя раньше. Когда ты был совсем маленьким».

Он не стал вдаваться в подробности.

Ши Цзянь подождал, но не получил продолжения, поэтому сменил подход. «Ты знаешь моего отца?»

«Да. Генерал Ши Цанфэн, в настоящее время главный командующий Девятого военного округа, дважды награжденный званием «Федеральный герой» и один раз «Медалью Галактики». Он имеет выдающуюся военную карьеру, придерживается радикальных политических взглядов, выступает за отмену монархии и является одним из лидеров фракции молодых офицеров».

«...Хватит цитировать вступления из учебников». Ши Цзянь слегка потербил виски. «Теперь я знаю, кто ты».

Гу Шиюнь слегка напрягся — он разгадал его личность?

Но Ши Цзянь просто опустил голову и устремил взгляд в даль. В этот момент он не был уверен, было ли настойчивое желание отца отправить его в военную академию вызвано скорее разочарованием или заботой. Неожиданная вторичная дифференциация насильно выбила его из уже запланированного курса жизни, увлекая его — сопротивляющегося, но бессильного — к неизвестному финалу.

Заметив его выражение лица, Гу Шиюнь спросил: «Что такое?»

Ши Цзянь покачал головой и сказал, что ничего. Теперь, будучи уверенным, что Гу Шиюнь, скорее всего, был человеком, которого его отец попросил присматривать за ним, его настороженность по отношению к седовласому Альфе значительно ослабла.

В тот день он нашел возможность вздремнуть в комнате для задержанных, а Гу Шиюнь сделал вид, что не заметил этого. Теперь он предлагал ему конфеты и лечебное масло. Если бы ему не поручили особо заботиться о нем, кто бы уделял столько внимания «проблемному» Альфе низшего уровня?

Гу Шиюнь показалось странным, что взгляд Ши Цзяня внезапно смягчился, но, поскольку тот был готов принять его доброжелательность, он решил не обращать на это внимания.

«Повернись. Я нанесу тебе лекарство».

«Мм».

Ши Цзянь перестал настороженно следить за обстановкой, повернулся, чтобы опереться руками на диван, и откинул длинные волосы в сторону, обнажив затылок — место, которое редко кто видел.

Непривычная шея к солнечному свету, она была чрезмерно бледной, такой тонкой, что ее

можно было полностью обхватить одной рукой. Гу Шиюнь не должен был смотреть, но его взгляд был неотразимо притянут к этой снежной глади, задерживаясь на небольшом выступе кости у основания шейного позвонка.

Запаховая железа Альфы немного отличалась от железы Омеги. В отличие от железы Омеги, которая созревала, как плод, ожидающий сбора, железа Альфы оставалась скрытой под кожей и в нормальных условиях не отличалась от железы Бета. Только во время течки, когда ее лизали, кусали и заливали феромонами, она медленно раскрывалась, как распускающийся цветок, обнажая нежно-розовую внутреннюю часть.

После вторичной дифференциации Ши Цзяня в Альфу, когда-то заметная железа на затылке постепенно вернулась к своей нормальной форме. Плюс заключался в том, что, за исключением периодической жгучей боли при воздействии феромонов, она обычно была незаметна. Именно поэтому он осмеливался так открыто ее показывать — в конце концов, никто не захочет пометить железу Альфы.

Конечно, не только его железа регрессировала.

Мягкое глотание, казалось, эхом раздалось в замкнутом пространстве. Ши Цзянь с опозданием почувствовал хищный взгляд зверя и инстинктивно сдвинулся, но большая рука прижала его плечо. Тепло и шершавость просачивались через кожаную перчатку, а за его спиной раздался глубокий голос взрослого Альфа: «Не шевелись».

Ши Цзянь отказался от мысли оглянуться. Ему было любопытно — как такой холодный, как робот, Гу Шиюнь мог иметь такие горячие ладони и такую силу?

Гу Шиюнь снял перчатку. «Ты сам снимаешь, или мне?»

Ужасная формулировка.

Ши Цзянь сам расстегнул верхние пуговицы рубашки, стянув воротник до локтей.

Теперь половина его белоснежной спины была открыта для взгляда Гу Шиюня. Он не мог понять, как почти взрослый Альфа мог быть таким худым, таким хрупким, как лист бумаги. Не задумываясь, он поднял левую руку и измерил ширину спины Ши Цзяня, осознав, что она была всего в две ладони, а талия была еще тоньше, сужаясь до удивительно узкого соотношения бедер и талии.

Его кожа была фарфорово-бледной, безупречной, без единого пятнышка — как тонкий нефрит (ценный белый нефрит). Это делало красную царапину на его левом плече еще более заметной, как цветы сливы на снегу.

Гу Шиюнь заметил, что его дыхание участилось. Он пытался его успокоить, но безрезультатно.

Даже его руки, которые никогда не дрожали после многочасовых тренировок по стрельбе, теперь неконтролируемо тряслись — а он еще даже не начал наносить масло.

Острый аромат спиртного и трав наполнял воздух, столь же сильный, как смесь феромонов альфа-самцов в академии. Ши Цзянь с отвращением сморщил нос, сожалея о том, что согласился позволить Гу Шиюню намазать на него эту штуку.

А Гу Шиюнь колебался.

Он никогда не колебался так, даже когда стрелял, чтобы сбить захватчика заложников, стараясь не задеть шестилетнюю девочку. Но сейчас он сомневался, было ли его предыдущее предложение разумным. Подогретое масло скопилось в его ладони, но он не мог заставить себя продолжить.

Кожа Ши Цзяня выглядела слишком нежной. Мозоли на руках Гу Шиюня, образовавшиеся за годы тренировок, могли поцарапать ее при малейшем давлении.

Воздух в конце лета не был холодным, но, простояв так долго с обнаженными плечами, не видя никаких действий со стороны Альфы за своей спиной, Ши Цзянь стал нетерпеливым. «Давай уже побыстрее».

Гу Шиюнь ответил тихим гулом, прежде чем медленно прижать ладонь к покрасневшей коже. Холодная шелковая текстура напомнила ему взбитые сливки — неотразимые.

Ши Цзянь зашипел. «Ой, помягче. Ты слишком груб».

Гу Шиюнь заставил себя замедлить движения. Его лицо оставалось бесстрастным, а глаза лишены эмоций, но тепло, исходящее от его ладони, было как горящий уголь. С каждым круговым движением Ши Цзянь чувствовал, как кожа над его лопаткой загорается, обжигая его.

Через несколько минут Гу Шиюнь внезапно сказал: «Готово». Ши Цзянь тайно выдохнул с облегчением.

Как раз когда Ши Цзянь собирался сесть, Гу Шиюнь, словно одержимый, внезапно сжал руку в кулак и слегка прижал предплечье к изгибу чуть выше бедра Ши Цзяня, измеряя длину по отношению к его телу.

...Если пересчитать, то, вероятно, она доходила бы до его живота.

Гу Шиюнь резко отдернул руку, выпрямился и уставился вперед, сердце его бешено колотилось.

Ши Цзянь неторопливо застегнул рубашку, взглянул на Гу Шиюня и расхохотался. «Почему ты сидишь, как старый партийный функционер? В любом случае, спасибо за помощь».

Альфа жестко пробормотал: «Не нужно благодарить», как глючащий андроид.

После паузы он вдруг что-то вспомнил и протянул Ши Цзяню лечебное масло. «Возьми это».

«Мне?»

«Новые студенты часто испытывают трудности с интенсивными тренировками и легко получают травмы. Это тебе пригодится».

Ши Цзянь без лишних слов принял масло. «Когда я вернусь домой, скажу отцу, чтобы он обеспечил тебе должность в Девятом военном округе».

«Твой отец не согласится».

Движимый детским желанием похвастаться своим впечатляющим, любящим родителем, Ши Цзянь сразу же ответил: «Мой отец всегда меня слушает. Не волнуйся — если ты будешь заботиться обо мне, я не подведу тебя».

Гу Шиюнь почувствовал странную обиду. Почему он вдруг зазвучал как какой-то карьерист, заискивающий перед привилегированным молодым господином?

«Я пойду. Еще раз спасибо за сегодня». Ши Цзянь встал, поправляя свою помятую форму.

Гу Шиюнь тоже встал: «Разве инструктор не наказал тебя, отправив в комнату для размышлений?»

Ши Цзянь поднял бровь: «Он прямо сказал, что запер меня в комнате для размышлений?»

Гу Шиюнь покачал головой: «Нет».

«Он лично сказал тебе, как долго я должен быть заперт?»

«Нет, не сказал».

«Тогда все решено», — Ши Цзянь вызывающе ухмыльнулся, обнажив острый клык, как озорной маленький чертик. «Военная академия — мой дом. Я просто брожу по своей территории — что в этом такого?»

«Э-э...»

«О, я забыл — вы же глава дисциплинарного отдела».

Ши Цзянь, что было необычно, слабо улыбнулся, сделал шаг вперед и протянул два тонких белоснежных пальца, чтобы слегка коснуться таблички с именем, прикрепленной к униформе Гу Шиюня на груди.

«Так что, начальник, не могли бы вы пощадить меня?»

Гу Шиюнь застыл, как рыболовная леска, внезапно натянутая до предела, его зрачки сузились до рептильных щелей. Улыбка Эдема размылась и расширилась перед его глазами, вызывая волны головокружения. Наконец, он перестал слышать, что говорит Ши Цзянь, не мог видеть движения его губ и даже не заметил, когда мальчик вышел из кабинета.

Не задумываясь, он поднял руку и нерешительно коснулся таблички с именем на груди. Металл был холодным и гладким, на нем остался запах его пальцев — точно так же, как при прикосновении к его белоснежной спине, холодный нефрит, скрывающий тепло.

<http://bllate.org/book/15712/1405237>